

**Декаданс как концептуальная основа (пост) неомодерного
дискурса в азербайджанской и китайской поэзии
последней трети XX века**

Ирина Шевлякова-Борзенко

кандидат филологических наук, доцент,

Мультикультурный исследовательский центр,

Университет Хучжоу (КНР)

Е-маил: shevljakova@mail.ru

Рецензенты: д.ф.п.п., доц. А.Х. Гаджиев,
д.ф.п.п., доц. Т.С. Пашаев

Ключевые слова: модернизм, неомодернизм, постнеомодернизм, декаданс, азербайджанская литература, китайская литература национальный миф

Açar sözlər: modernizm, neomodernizm, postneomodernizm, dekadans, Azərbaycan ədəbiyyatı, Çin ədəbiyyatı, milli mif

Key words: modernism, neo-modernism, post-neo-modernism, decadence, Azerbaijani literature, Chinese literature, national myth

Модерность как основа и вместе с тем порождение неклассической картины мира многомерна и многолика; в системе координат полицентричной исследовательской оптики сегодня речь вообще идет о «множественности модернов» [1, с.15]. Одной их ключевых черт модерна как такового, который в западном дискурсе ассоциируется с отрицанием предшествующей традиции, является рефлексивность ревизионистского типа: речь идет о перманентном пересмотре социальной реальности в свете новой информации или знания [2, с. 11]. В этом смысле модерность в ментальном пространстве Востока разворачивается как проект принципиально иного аксиологического «залога»: специфика восточной модерности связана с процессами индивидуации традиции при сохранении приоритета коллективно значимого. То есть общая тенденция взаимовлияния процессов глобализации и глокализации приобретает особый формат в «силовом поле» культур, центрированных на национальной аутентике.

В азербайджанской литературе, как и в европейской традиции, сущностные черты модернистского мироощущения предопределялись эволюцией романтического мироощущения. С одной стороны, для корифеев азербайджанского романтизма «высказать и показать истину стало основной целью»; с другой стороны, «символика печали, впитавшаяся в канву лирики поэтов этой эпохи, была связана с крахом романтических идеалов, надежд и мечтаний поэтов» [3, с. 233]. Это удивительным образом повлияло на мироощущение писателей во второй половине XX века: речь идет о феномене своеобразной художественно-эстетической «реинкарнации» романтических концептов, лейтмотивов и настроений в особой культурной ситуации – ситуации «отложенной» неомодерности 1960-х – 1980-х годов, которая связывается с «новым дыханием, стилем и способами выражения» [3, с. 232], новым ракурсом осмысления жизненных явлений (прежде всего, в поэзии таких мастеров слова, как Р. Рза, А. Керим, А. Салахзаде, И. Исмаилзаде), а также с творчеством В. Самедоглы, В. Б. Одера, Р. Ровшана и др.

В 1960-е годы в азербайджанском социокультурном пространстве сошлись в услов-

ной «точке бифуркации» факторы и условия, необходимые для рождения нового литературного феномена. К числу ключевых условий относится наличие свободной литературной среды как пространства для полемики различных идеологий и эстетических концепций, а «ветвление», диверсификация литературной жизни становится одним из решающих факторов возникновения и развития феномена новой модерности в литературе Азербайджана 1960-х – 1980-х годов.

К числу знаковых примет качественных трансформаций литературно-художественного процесса того времени относятся появление нового героя, смена «лица» поэтического высказывания, обращение поэтов к «средствам трагико-драматического отображения» (Э. Межелайтис) действительности, по сути – к потенциалу декаданса. Размышляя о перспективах возрождения национальной культуры, Н. Рустамова выдвигает предположение, что именно «состояние декаданса заставляет глубже задуматься о философии национального бытия и стимулирует развитие национальной культуры» [цит. по: 3, с. 236]. Во второй половине XX века в некоторых национально-культурных традициях декаданс становится концептуальной основой аксиологических и эстетических перспектив. По мнению Т. Алишаноглы, с 1970-х годов азербайджанское искусство слова начинает переживать состояние декаданса «в условиях продления жизни “советской литературы” искусственно идеологическими средствами», что «в связи с опустошением “полноты” опыта романтической и реалистической литературы» актуализирует постреалистический опыт: «С того времени почти до конца века в нашей литературе господствует декаданс, который развивает национальный модернизм в целом» [цит. по: 3, с. 237].

Известный философ А. Аббасов придерживается точки зрения, согласно которой третий этап эпистемологии следует называть постнеоклассическим (в общепринятой традиции он именуется постнеклассическим) [4]. По отношению к азербайджанскому литературно-художественному дискурсу последней трети XX века мы полагаем терминологически уместным употреблять термин «постнеомодернизм» вместо «поздний неомодернизм», в числе прочего и потому, что во втором случае термин содержит оценочные коннотации, которые идут вразрез с оптикой полицентричного исследования.

Можно предположить, что в последней трети XX века в азербайджанском искусстве слова складывается уникальная ситуация, когда ренессансное, возрожденческое по интенции движение художественной словесности навстречу смыслам архетипическим, базово-классическим (через интерес к национальной мифологии, фольклору, классическому литературному наследию) наиболее естественно чувствует себя в пространстве (нео) модернистской эстетики. При этом движение к архетипическому в конце XX века – типологически повторяющийся, романтический по сути своей проект возвращения к истокам. В аспекте поэтики он просто не может быть строго реалистическим, ибо в данном случае речь всегда идёт о возвращении к Мифу и, соответственно, о погружении в его поэтику. На уровне общеконцептуальном усиление декадансных настроений связывается с попытками сфокусироваться не на человеке в целом, а на индивидууме. С начала 1970-х годов изменяются и «способы художественного выражения и отображения. Так, участилось обращение к иносказаниям (читай между строк), многослойным метафорам, сложным и многозначным символам» [5, с. 153]. Очевидно, что внутри поэтики Текста (национальной художественной словесности в широком смысле) зреют предчувствия неизбежных трансформаций, парадигмальных сдвигов в «поэтике мира».

Китайский неомодернизм – явление так называемой литературы нового периода,

точкой отсчёта которой принято считать 1979 год.

Почему для обозначения типологически схожих явлений в Азербайджане и Китае в первом случае мы используем разные термины – «постнеомодернизм» и «неомодернизм»? Дело в различии литературных практик неомодернистского типа в литературе Азербайджана 1960-х и 1970-х – 1980-х годов. Становление собственно неомодернизма здесь связывается с жизнетворчеством шестидесятников; последующие десятилетия ознаменовались качественными изменениями (проблемно-тематическими, образно-стилевыми) соответствующего сегмента общелитературного дискурса, что позволяет говорить о превалировании с конца 1970-х годов постнеомодернистской стратегии творчества. В свою очередь, в китайской литературной традиции в силу специфики социально-исторического развития, которая обусловила динамику и характер литературного процесса, интерес к модернизму после первой трети XX века снова актуализировался только с начала 1980-х годов.

Литературный процесс в Китае последних двух десятилетий XX века представлял собой достаточно стремительную смену литературных «волн». Конец 1970-х – начало 1980-х годов ознаменовались появлением «литературы шрамов» (получившей своё название по рассказу писателя Лу Синьхуа «Шрам»), основной интенцией которой стало обличение трагических событий «мрачного десятилетия» (1966–1976). Однако довольно быстро «монохромная» критика уступает место более спокойному осмыслению прошлого в контексте исторических процессов, их влияния на судьбу обычного человека. Уже к середине 1980-х годов многие литераторы от повествовательности переходят к анализу общественных явлений, которые мешали движению страны вперёд. На смену «литературе шрамов» приходит «литература размышлений» (ярким примером которой называют произведения Ван Мэна). В это же время довольно громко заявила о себе «литература поиска корней», сфокусированная на проблематике национального характера и национальной психологии. Однако уже к концу десятилетия «литературу поиска корней» потеснила «новая деревенская проза»: ее произведения тематически были сосредоточены на «демонстрации разницы между бурным развитием города и отсталостью деревни, взаимоотношениях между культурной традицией и новыми явлениями современного развития Китая» [6, с. 127]. Со второй половины 1980-х годов в качестве проблемно-тематической доминанты литературного процесса выделяется «литература реформ», обращённая к исследованию тех трансформаций, которые происходили в традиционной для Китая картине мира. Иначе говоря, 1980-е годы стали временем бурной диверсификации литературной жизни в Китае. Уже в первое десятилетие литературы нового периода существенно расширяются концептуальные и стилистические границы реализма: понятие «современного реализма» в китайской литературе обозначает сложное сочетание классического и «мистического», психологического, а также «структурного реализма», что, по мнению исследователей, отражает «одновременное развитие реализма с иными, нереалистическими творческими методами» [6, с. 127]. А в 1990-х годах «значительное место заняли произведения психологического плана с явным влиянием европейского модернизма, с акцентированным анализом эмоции и с неонатуралистическим бытописанием» [7].

Специфику китайского неомодернизма мы связываем с особым способом (принципом) (само)организации и саморазвития соответствующего сегмента национального литературного дискурса, в основе которого лежит аксиологическая и эстетическая «ассимиляция» идей и художественных находок европейского модернизма в контексте ки-

тайской национальной традиции и с учётом актуальной социокультурной ситуации. Этот феномен возникает как результат «встречи» в системе координат современного общества базисного, классического для китайской традиции восприятия «Литературы как передающей Путь» (文以載道) – и поисков идентичности: речь идёт о поисках индивидуальной идентичности (самоидентификации) в ситуации *возможной* трансформации идентичности коллективной.

Таким образом, анализ особенностей воплощения «поэтики мира» в «поэтике Текстов» азербайджанской и китайской литератур 1960-х – 1990-х годов позволяет говорить о некотором типологическом схождении между азербайджанским постнеомодернизмом и китайским неомодернизмом. Сущностное сходство заключается, на наш взгляд, в общей устремленности художественного сознания к аксиологии общенационального как архетипического – при усилении декадансных настроений; в обеих культурных традициях декаданс рассматривается как источник новых возможностей и эстетических перспектив национальной же художественной словесности. Концептуальной основой обоих феноменов стала художественная индивидуация коллективного опыта сохранения и трансляции национальной картины мира и системы ценностей.

Литература

1. Образцов А. В. Модернизм / модерн // Модернизм в литературах Азии и Африки. Очерки. СПб.: Восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2015, с. 3-93.
2. Кравченко С. А. Социология модерна и постмодерна в динамически меняющемся мире. М.: МГИМО-Университет, 2007.
3. Акимова Э. С. Художественные течения в современной азербайджанской поэзии // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина, 2014, № 1, с. 232-238.
4. Аббасов А. Ф. Постнеоклассическая эпистемология: необходимость и сущность // MÜASİR FƏLSƏFƏ, ELM VƏ MƏDƏNİYYƏT: POSTQEYRİ-KLASSİK EPİSTEMOLO-GİYA (Respublika konfransının materialları, 18 may 2011-ci il). Bakı, Elm, 2011, с. 35-47.
5. Касымов Я. Советский ренессанс и шестидесятники (размышления о поэзии русских и азербайджанских шестидесятников // Культура народов Причерноморья, 2014, № 275, с. 148-153.
6. Турушева Н. В. Современная китайская литература как отражение социальных процессов в КНР // Вестник Томского государственного университета, 2014, № 383, с. 126-132.
7. Желуховцев А. Н. Современная литература // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 3. Литература. Язык и письменность / ред. М.Л.Титаренко и др., 2008, с. 167-175.

И. Шевлякова-Борзенко**Декаданс как концептуальная основа (пост)неомодернизма в азербайджанской и китайской поэзии последней трети XX века****Резюме**

В статье предпринята попытка осмыслить специфику формирования неомодернистского художественного дискурса в азербайджанской и китайской поэзии 1960-х – 1990-х годов. Анализ особенностей воплощения «поэтики мира» в «поэтике Текстов» позволяет говорить об общей устремленности художественного сознания к аксиологии общенационального как архетипического – при усилении декадансных настроений в условиях утверждения современного мироощущения. Это привело к формированию постнеомодернизма в азербайджанской традиции и неомодернизма с китайской спецификой; концептуальной основой обоих феноменов стала художественная индивидуация коллективного опыта сохранения и трансляции национальной картины мира и системы ценностей.

I. Shevlyakova-Borzenko**Decadence as a conceptual basis of (post)neo-modernism in Azerbaijani and Chinese poetry of the last third of the twentieth century****Summary**

The author attempts to understand the specifics of the formation of modernist artistic discourse in Azerbaijani and Chinese poetry of the 1960s-1990s. The analysis of peculiarities of realization of "the world of poetics" in "poetics of Texts" allows us to speak about the tendency of artistic consciousness to national axiology as archetypal – in the amplification decadence moods in the conditions of approval modern attitude. This led to the formation of post-neomodernism in the Azerbaijani tradition and neo-modernism with Chinese characteristics; the conceptual basis of both phenomena was the artistic individualization of the collective experience of preserving and translating the national picture of the world and the system of values.

Redaksiyaya daxil olub: 27.02.2020